

Д.В. Каштанов

РУСЬ И ФЕССАЛОНИКА В XII–XIII ВЕКАХ: ЛЮДИ, ИДЕИ, ПУТИ¹

... Сюда я приехал с Запада
На мой роковой Восток.
При Кесаре, при Андронике,
Меня пырнули ножом,
Но те же они, Салоники,
Но тот же розовый дом...

Ю.П. Иваск²

Эти строки могли бы поведать – с долей вымысла – о судьбе жившего за восемь веков до их создания возмутителя спокойствия в русских землях, несчастливому князю Ивану Ростиславичу, прозванному “Берладником”. Потерпев в 1156/57 г.³ поражение от галицкого князя Ярослава, в 1161/62 г.⁴ он умер в Солуни, и летописец донес до нас слухи, будто “ини тако молвяхуть, яко съ отравы бѣ ему смерть”⁵. Это событие – само по себе не значимое, но от этого не менее интригующее – дает повод задуматься над тем, что же нам известно о связях Солуни и русских земель. Ниже мы увидим, что другой сюжет этой темы окажется столь же занятным.

Все же связи Руси и Фессалоники – ни когда она еще была вторым по величине городом империи, ни когда стала центром самостоятельного, сначала латинского, а потом греческого государства – не становились предметом специального рассмотрения⁶. За их свидетельство Г.Г. Литаврин выдавал известие о том, что, якобы согласно “Тимариону”, в первой половине XII в. “русские товары везли караванами не в столицу на Босфоре, а в Фессалонику”⁷, в более ранней работе исследователь выражался иначе: “Русские товары везли теперь иногда караванами из Константинополя в Фессалонику”⁸.

¹ Автор был бы благодарен за отклики по вопросам, затрагиваемым в статье. E-mail: deniska@id.ru.

² Это стихотворение опубликовано: Поляков Ф.Б. Византийские образы в эсхатологической концепции культуры Юрия Иваска и поэтика Осипа Мандельштама // МОСХОВИА. Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. Вып. 1. К 60-летию Б.Л. Фонкича. С. 389.

³ По Н.Г. Бережкову, это произошло в конце 6664 мартовского года, а в летописи стоит 6665 ультрамартовский год: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 168.

⁴ Н.Г. Бережков считает, что статья 6670 г. – ультрамартовская, и ее основное содержание относится к 6669 мартовскому году (Хронология... С. 173).

⁵ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Изд. 2. Стб. 519. Очерк жизни князя см.: Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. С. 70–74.

⁶ В отличие, скажем, от связей Руси с Мореей, Никеей и Трапезундом, которым посвящены следующие статьи: Тихомиров М.Н. Греки из Морей в средневековой России // СВ. 1964. Вып. 25. С. 166–175; Карпов С.П. Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. Т. 38. С. 38–47; Жаворонков П.И. Никейская империя и княжества Древней Руси // ВВ. 1982. Т. 43. С. 81–89.

⁷ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 294.

⁸ Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке // Литаврин Г.Г. Византия и славяне (сборник статей). СПб., 1999. С. 513.

Последнее толкование ближе словам источника: “Города же Евксинского Понта, посылая сначала свои товары в Византий, оттуда украшают ярмарку: множество выючных лошадей и мулов доставляют в Византий их товары”⁹; однако никаких “русских товаров” в словах “Тимариона” мы не встретим, как не сможем утверждать, что имелись в виду города только северного побережья Черного моря. Так, Р.А. Наследова применительно к данному месту пишет о товарах из Понта без какой бы то ни было детализации¹⁰. Справедливости ради надо отметить, что в описании праздника св. Димитрия упоминаются пришедшие поклониться святому жители “прибрежья Океана”¹¹, но это указание настолько неопределенно, что не позволяет сделать никаких конкретных выводов. Перечисляя посетителей солунской ярмарки, Р.А. Наследова утверждает, что среди них были купцы “из Скифии”¹², в которых можно было бы увидеть русских. Однако текст “Тимариона” в том месте, к которому обращается исследовательница, во-первых, не упоминает именно купцов, а лишь посетителей ярмарки вообще, и, во-вторых, говорит о том, что на ярмарку стекаются “мисийские племена, населяющие земли вплоть до Истра и пределов Скифии”, т.е. именно болгары, а вовсе не “скифы”.

Кроме этих, неправильно истолкованных сообщений “Тимариона”, за XII–XIII вв. есть лишь несколько разрозненных упоминаний о связях Руси с Фессалоникой в русских летописях. Существует, однако, любопытная запись, донесшая до нас не оцененные по достоинству сведения, которые дополняют скудную картину связей Руси с Фессалоникой. В рукописях она следует за “Сном царя Иоаса”¹³, средневековой компиляцией по мотивам “Четвертой книги Царств”, “Екклесиаста”, “Песни Песней”, и заметкой “О ливане”, повторяющей текст перевода толкований Афанасия Александрийского на псалмы 28:5, 36:35 и 71:16¹⁴, которая дошла до нас в шести, а точнее, если не считать одной копии сохранившейся рукописи, в следующих пяти списках.

РГБ. Ф. 205 (собр. ОИДР). № 171. Вторая половина XIII в. (далее: О). Л. 20 об.¹⁵

РГБ. Ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря). № 13. До 1519 г. (по вкладной записи) (далее: В). Л. 225–225 об.

РГБ. Ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря). № 14. 1519–1545 гг. (список с предыдущей рукописи, верхняя временная рамка –

⁹ Тимарион / Пер. со ср.-греч. С.В. Поляковой и И.В. Феленковской // Византийский сатирический диалог / Изд. подгот. С.В. Полякова и И.В. Феленковская. Л., 1986. С. 30.

¹⁰ Наследова Р.А. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX – начала X в. по данным Иоанна Камениата // ВВ. 1956. Т. 8. С. 77.

¹¹ Тимарион... С. 28.

¹² Наследова Р.А. Ремесло и торговля Фессалоники... С. 77.

¹³ Он опубликован по русскому списку РНБ. Q. п. I. 18 (*Мочульский В.* Сон царя Иоаса // РФВ. 1897. Т. 37. С. 111–113; отзыв на эту статью: *Истрин В.М.* К вопросу о “Сне царя Иоаса” // ЖМНП. 1898. С. 306–307) и по единственному болгарскому списку 1348 г. РНБ. Ф.п. I. 367 (*Кувев К.* Иван Александровият сборник от 1348. София., 1981. С. 383–385).

¹⁴ Алексеев А.А. К истории русской переводческой школы XII в. // ТОДРЛ. 1989. Т. 41. С. 181.

¹⁵ Описание этой рукописи см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 312. № 375; Алексеев А.А. К истории... С. 155.

наличие ее в монастырской описи 1545 г., что и указано на переплете почерком XIX в.) (далее: B₂). Л. 358 об. – 360.

РГАДА. Ф. 181 (РО МГАМИД). Оп. 5. Ч. 2. № 478/958. Третья четверть XVI в. (по водяным знакам) (далее: А). Л. 533–533 об.

РНБ. Q.I.43. XVII в. (далее: П). Л. 134 об. – 135.

РГБ. Ф. 98 (собр. Е.Е. Егорова). № 891. XVI в. (с этой рукописью я не имел возможности ознакомиться, поскольку она находилась на реставрации).

В заметке “О ливане” говорится (текст по древнейшему списку О)¹⁶:

пс(а)л(о)м 28. скрушитъ г(осподь) кедры ливаньскыя.

т(ол)къ. Бѣсы | яко гърды. присно | радующася ливану. ливанъ бо гора | нарицается. жертѣва идольская. съкруши же е Х(ристо)во съшествие. и упрзни | идольское неистовыство.

пс(а)л(о)м 36. Видѣхъ нечестиваго прѣвозносящася и высящася яко кедры ливаньскыя.

т(ол)къ. Диявола гл(аголе)тъ. яко възнесеса на ч(е)л(о)в(е)чыство идолслужениемъ. ливанъ бо весдѣ | прилагается. по | кажениемъ идолѣхъ.

пс(а)л(о)м. 71. превъзнесетсѣ пача ливана | плодъ его.

т(ол)къ. Възнесе бо ся г(осподь) на кр(е)сть. и | вера кр(е)стьянская възнесеса. паче идолѣскихъ жертвѣ. ливанъ бо сказается. | жертва идольская. и | жилище бѣсовское.

А вот интересующая нас запись сохранилась лишь в двух из перечисленных выше рукописей. В списке О – необычно узком пергаменном кодексе в один столбец – она выполнена почерком писца и чернилами основного текста, но мелкими буквами, и располагается на внешнем (левом) поле л. 20 об. сверху вниз перпендикулярно к основному тексту. Подчищенная в конце, она гласит: «[Т]о же ми баше сказалъ попинъ гречьскыи въ Селоуни азъ же башъ кѣпилъ много ливана и то слышавъ роздахъ. и сдѣ пришедъ сказахъ [?]»¹⁷. Во второй рукописи (А, л. 533 об.) запись следует непосредственно за текстом заметки “О ливане” и содержит немаловажные дополнения: упоминание Иерусалима, где автор записи покупал ладан, и князя Георгия: “[Т]о же ми сказа попинъ грѣческйи в Селѣни. | азъ же бѣхъ кѣпилъ много ливана въ Иерлѣмѣ. | и то слышавъ разсыпахъ. и здѣ пришеа сказахъ | Георгию кѣсю»¹⁸.

¹⁶ При передаче текста из отсутствующих в современно русском алфавите букв оставлены только ъ в конце слов, ѣ и і. Надстрочные знаки не передаются, титла раскрыты, что обозначено круглыми скобками, выносные буквы внесены в строку, что специально не обозначается. Прописные буквы и пунктуация переданы в полном соответствии с рукописью. Киноварные инициалы подчеркнуты. Утраты заключены в квадратные скобки. Вертикальная черта обозначает начало строки. Начало каждого псалма и толкования с красной строки введено для удобства восприятия текста.

¹⁷ Оба текста записи воспроизведены максимально близко к тексту – опущены только знаки придыханий и ударений, присутствующие в списке А.

¹⁸ Далее следует текст, отсылающий к “Житию Константина-Кирилла / Подгот. текста и пер. Л.В. Мошковой, А.А. Турилова, коммент. Б.Н. Флори // БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. XI–XII века. С. 52) и не имеющий прямого отношения к данной записи: “Числа отъ втораго на десять лѣта | [С]оломона ц(еса)рства до Х(рист)а, лѣтъ, 900 и 9. Се азъ невѣжа и неумѣя истолковахъ. да кто ест(ть) хитрѣе | умѣя и онъ паки хитрѣе толкуи, и не зазрите моеи худости. азъ бо не учихъся философи, | но тому учихъся иже не вѣдати ничто же”.

Этому тексту, несмотря на то что он содержит одно из немногих упоминаний Солуни в оригинальной древнерусской письменности, можно сказать, не повезло с “научной карьерой”. Специально данной записи была посвящена единственная и не слишком подробная статья А.И. Соболевского, а ее существующие издания страдают разной степенью неточности в передаче текста и комментариях.

Впервые на запись обратил внимание А.И. Соболевский¹⁹, который опубликовал ее по обоим спискам²⁰. Его передачу текста *A* можно считать достаточно точной, за исключением “аз” вместо “лзъ”, мена “изъ” на “аз” имеется и в публикации текста *O*. Кроме того, А.И. Соболевский, со вниманием отнесшийся к пунктуации в *A*, в издании второй части заметки из *O* ввел собственную постановку знаков препинания. Наконец, он закончил чтение записи в *O* на слове “пришедъ”, отметив, что далее запись неразборчива.

А.И. Соболевский рассматривал запись в единстве с заметкой “О ливане” и строками, следующими за записью в *A* (см. выше, примеч. 18). При этом в случае с последними были приведены лишь слова “Се азъ, невѣжа и не умѣя истолковахъ. Да кто есть хитрѣе...” (привожу по тексту статьи А.И. Соболевского), а вот предшествующий текст о “числах” от Соломона до Христа был заменен многоточием – тем самым было искусственно создано впечатление единства записи и следующих за ней слов. А.И. Соболевский делил заметку “О ливане” на две части, считая обе древними, на том основании, что в *A* первые два псалма водятся фразой “псалмопѣвецъ рече” и “псалмопѣвецъ же рече”, тогда как последние словами “псаломникъ пишет”.

¹⁹ Несмотря на утверждение Л.В. Столяровой (*Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 165. № 135), которая поставила описание рукописей библиотеки Общества истории и древностей, выполненное П.М. Строевым, под первым номером в списке посвященных записи исследований, в этом труде о записи не сказано ни слова, самой же рукописи *O*, датированной XIV в., там посвящено несколько строк: [*Строев П.М.*] Библиотека императорского Общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 61. № 171.

²⁰ *Соболевский А.И.* Неизвестный русский паломник // ИОРЯС. 1911. Т. 16. Кн. 1. С. 6. Л.В. Столярова ссылается только на статью А.И. Соболевского “Особенности русских переводов домонгольского периода” в сборнике его трудов, именно на с. 144. Однако на этой странице начинаются “Словарные материалы” к статье о Номоканоне Иоанна Схоластика (*Соболевский А.И.* Номоканон Иоанна Схоластика // *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. (СОРЯС. Т. 88). С. 141–153), а указанная Л.В. Столяровой статья находится на с. 162–177 (*Соболевский А.И.* Особенности русских переводов домонгольского периода // *Соболевский А.И.* Материалы и исследования... С. 162–177). И в ней на с. 177 действительно отмечается, что при дальнейшем исследовании может оказаться, что толкования Филона Карпафийского на “Песнь Песней”, сохранившиеся в списке московского Общества истории и древностей XIII–XIV вв. (т.е. *O*), были переведены на Руси. Указания на интересующую нас запись в этой статье нет! А три упоминания Солуни в этом сборнике (по указателю) относятся к разысканиям о деятельности Константина Болгарского (*Соболевский А.И.* К истории древнейшей церковнославянской письменности // *Соболевский А.И.* Материалы и исследования... С. 120), черноризца Храбра (Там же. С. 132), а также о возможном происхождении из этого города некоторых старославянских рукописей (Там же. С. 137) и связях Солуни с Сербией в XII–XIII вв. (Там же. С. 137. Примеч. 1). Таким образом, получается, что из трех ссылок на исследования рассматриваемой записи в работе Л.В. Столяровой две (!) – на работы П.М. Строева и А.И. Соболевского – оказываются не относящимися к делу, а одна еще и неверной.

Однако если посмотреть на текст древнейшего списка заметки “О ливане”, приведенный выше, то станет совершенно ясной искусственность такого разделения. В конце статьи исследователь обратил внимание на находящееся в некоторых русских рукописях XV–XVI вв. описание базилики св. Димитрия²¹, лишь намекнув на возможную общность их происхождения²².

По списку А, указанному А.А. Туриловым, запись привел А.А. Алексеев²³. Недостатки его передачи текста заключаются во введении собственной пунктуации по современным правилам и ряде ошибок: вместо “Селѹни” там фигурирует “Сулуни” (если это не опечатка), вместо “лзъ” – “аз”, а вместо “сказахъ” – “сказахъ”. А.А. Алексеев отметил, что эта же приписка находится и в рукописи О без последних двух слов. Тем самым, правильно прочитав окончание записи в рукописи О, исследователь не обозначил отсутствия упоминания там Иерусалима.

По списку О после А.И. Соболевского запись была опубликована дважды. В чтении Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв.²⁴ вместо “сдѣ” стоит “здѣ”, вместо ясно читающегося “сказахъ” – “[ми сказахъ (?)]”, квадратные скобки, очевидно, указывают на неуверенность чтения. Запись датирована там второй половиной XIII в. – датой рукописи, эту же датировку повторила Л.В. Столярова²⁵. В ее издании запись прочитана небрежно и с ошибками – даже по сравнению со Сводным каталогом: вместо простейшей (одна точка!) пунктуации источника зачем-то введена авторская, не разобрано последнее ясно читаемое в рукописи слово “сказахъ”, зато в критическом аппарате приведено неточное чтение Сводного каталога; “лзъ” превратилось в “азъ”, а “кѹпилъ” – в “скѹпилъ”. Тот факт, что Л.В. Столярова завершает чтение записи на слове “пришедъ”, как и А.И. Соболевский, несмотря на ясно читаемое далее в рукописи “сказахъ”, наводит на размышления о том, не пользовалась ли исследовательница при подготовке издания этой записи по преимуществу не рукописью, а статьей своего предшественника, которая, однако, не указана в списке литературы? Другие ее комментарии не менее сомнительны. Так, неточно указаны псалмы, отрывки из которых использованы в заметке “О ливане”. Л.В. Столярова утверждает, что автор записи купил плоды ливанского кедра после разговора со священником (т.е. уже в Фессалонике), что маловероятно, следуя логике заметки “О ливане” и записи, которая подразумевает, что на момент разговора у автора записи уже имелся ладан, не говоря о записи в А, прямо упоминающей Иерусалим как место его приобретения. Хотя, строго говоря, в записи нигде не указано направление движения паломника (Иерусалим – Солунь или Солунь – Иерусалим), последовательность действий: покупка – разговор со священником – избавление от благовоний – не вызывает сомнений, следовательно, и паломник возвращался из Иерусалима, а не направлялся туда. Кроме того, Л.В. Столярова считает, что ливан был роздан паломником уже по приезде на Русь, что ниоткуда не следует и невероятно. Первоначальным представляется вариант “разсыпа” из А, а не “роздалхъ”, как в

²¹ ВМЧ. СПб., 1880. Октябрь, дни 19–31. Стб. 1912 (26 октября).

²² Соболевский А.И. Неизвестный... С. 7.

²³ Алексеев А.А. К истории... С. 182. Примеч. 67.

²⁴ Сводный каталог... С. 312. № 375.

²⁵ Столярова Л.В. Свод записей... С. 165. № 135.

О – он лучше соотносится со смыслом заметки “*О* ливане”. После всего сказанного в качестве курьеза можно указать написание исследовательницей “Солоники”. По сути, это, конечно, мало что меняет, но ведь “дьявол – в деталях”, которые указывают на отношение исследовательницы к своим материалам...²⁶

Перейдем к текстологии списков изучаемой записи. Два ее варианта следуют за текстами заметки “*О* ливане”, различия которых несущественны, и за двумя видами “*Сна* царя *Иоаса*”, которые, напротив, отличаются не только многочисленными разночтениями, но и расположением отдельных частей текста. В *О*, где начало “*Сна*” утрачено, видение *Иоаса* представляет собой единый текст, а все толкования следуют за ним, тогда как в *А* видение разбито на две части, после каждой из которых следует толкование. Возможно, и разночтения, и разница в расположении частей текста – результат позднейшей правки, так как во всех списках есть общие ошибки, которые позволяют говорить о том, что в конечном итоге все они восходят к одному оригиналу. Таково непонимание места, которое передано следующим образом: “градъ ж паки великъ, мнѣ малъ” (*В*, л. 223 об.), “градъ убо ес(ть) великъ м□ (знак, похожий на букву “г”) ѣ малъ” (*А*, л. 532 об.).

Списки “*Сна*” *О*, *В* и *П* относятся к одному виду, его заключает заметка “*О* ливане”, за которой не следует записи (кроме списка *О*, где та помещена на поле). Списки “*Сна*” *О* и *В* настолько близки, что создается впечатление, будто второй переписан с первого. В *П* “*Сон*” имеет по отношению к *О* и *В* множество разночтений, не носящих принципиального характера, а текст заметки “*О* ливане” в трех рукописях практически идентичен. Вероятнее всего, эти тексты в *В* и *П* так или иначе восходят к одному источнику, в основе которого лежала *О* (вполне возможно, что в *В* они переписаны непосредственно из *О*, тогда *П* могла почерпнуть эти тексты – в конечном итоге – из *В*). Такое соотношение позволяет объяснить отсутствие записи во всех рукописях, содержащих “*Сон*” и заметку “*О* ливане” в редакции, близкой *О*. Писец протографа *В* и *П* (самой рукописи *В*?) опустил запись потому, что ее легко можно было отделить от основного текста. Это возможно в том случае, если она помещена вне его – именно так, как в *О*.

Однако является ли запись рукописи *О* оригинальной записью самого писца, сообщающей об эпизоде из его жизни, как считает Л.В. Столярова, датируя ее второй половиной XIII в., или ее воспроизведением? Разрешение этого вопроса упирается в проблему, почему запись в списке *О* размещена столь необычно. Ни одна другая дневниковая или выходная запись писцов (по материалам, собранным Л.В. Столяровой) не расположена таким образом, обычно для них отводится или основная площадь листа, или же нижнее или верхнее поле. Единственная писцовая запись, частично расположенная так же – молитвенная, на рукописи 1354 г., но начинается она на нижнем поле листа, а продолжается – на левом, внешнем²⁷. Из публикации Л.В. Столяровой причина этого неясна, видимо, такое размещение объясняется нехваткой места на нижнем поле листа. Аналогичное объяснение применимо к на-

²⁶ Аналогичное мнение в отношении книги Л.В. Столяровой в целом и данного сюжета в частности было высказано в рецензии: *Мошкова А.В., Турилов А.А.* “Плоды ливанского кедра”. [Б. м.], 2003. С. 54–56.

²⁷ *Столярова Л.В.* Свод записей... С. 280. № 269.

шей записи, тем более, что она достаточно развернутая, а рукопись написана в один столбец, и нижнее поле заведомо бы ее не вместило. Заметка “О ливане” уместилась на л. 20 об. впритык к нижнему краю листа, а на л. 21 начинается следующий текст. Только отсутствием места убедительно объясняется необычное размещение записи на боковом поле.

Таким образом, представляется, что запись была не внесена в текст, изначально находившись вне его, а с точностью до наоборот, выделена из него, и именно писцом рукописи *O*, которому не хватило места для того, чтобы воспроизвести ее вместе с текстом заметки “О ливане” или на нижнем поле. Отсутствие упоминания Иерусалима и Георгия можно объяснить, например, повреждением кодекса с текстом, который так или иначе лежал в основе *O*. Такое объяснение требует наименьшего количества допущений. Поэтому нужно признать запись в рукописи *O* восходящей, как и запись в *A*, к общему протографу, а не оригинальной. Поскольку же в *A* находится более полный текст записи, чем в *O*, но рукопись *A* написана позже, они не могли черпать из одного источника. Это означает, что в *O* запись попала даже не из оригинала, чего, кстати говоря, мы не можем прямо утверждать в отношении *A*.

Запись, как она сохранилась в позднейшем списке *A*, дошла до нас в своем первоначальном виде, а вот текст “Сна” и заметки “О ливане” в варианте, более близком к тому, что переписывал автор записи, сохранился в списке *O* и восходящих к нему, т.е., в списке *A* (или в предшествовавших ему) текстуальная правка не коснулась записи, которую, очевидно, было не по чему править, а в списке *O* запись подверглась искажениям.

Еще в протографе всех изученных списков заметка “О ливане” следовала за “Сном”, а раз “Сон” существует в рукописной традиции и без заметки, значит, ко времени ее составления уже существовали и другие списки “Сна”. Иными словами, заметка с записью была присоединена к списку “Сна”, возможно, выполненному ее автором. Это находит подтверждение и в количественном соотношении списков, в которых они присутствуют вместе (6) и в которых – лишь “Сон царя Иоаса” (их количество измеряется десятками)²⁸.

Два текста – “Сна” и заметки – местами действительно похожи, но объясняется это их жанром толкований, в одном случае – на “Песнь Песней”, в другом – на Псалтирь. Хотя возможно, что уже в XIII в. “Сон” и заметка воспринимались как единое целое, в списках *O*, *B* и *П* они разделены киноварным инициалом, правда, находящимся в строке. Об их разном происхождении позволяет говорить и различная тональность, когда речь заходит о ливанских кедрах. Во “Сне” они ассоциируются с праведниками (Пс. 91:13), а в заметке – с дьяволом и язычеством (Пс. 28:5, 36:35, 71:16). Столь резкий контраст в небольшом тексте, принадлежащем одному автору, вряд ли возможен, поэтому их следует разделять.

Таким образом, нижняя временная граница создания записи – время создания “Сна царя Иоаса”, верхняя же – вторая половина XIII в. По наблюдениям А.А. Алексеева, автор “Сна” располагал переводом не толкового, а четьего текста “Песни Песней”, но уже знал перевод толкований Олимпиодора Александрийского на “Екклесиаст”²⁹, который был использован также

²⁸ Алексеев А.А. К истории... С. 182. Примеч. 65.

²⁹ Там же. С. 182, 186.

в “Послании” Климента Смолятича. Перевод же Толковой “Песни Песней” был известен уже в конце XII столетия Даниилу Заточнику³⁰. Таким образом, появление славянского “Сна царя Йоаса” может быть датировано второй половиной XII в., а заметки с записью – второй половиной XII – концом XIII в.

Что касается языка записи, то можно с уверенностью говорить о его книжном характере со значительным влиянием старославянского. Запись состоит из двух фраз, объединенных соединительно-противительной частицей “же”. А.И. Соболевский специально отметил употребление плюсквамперфекта “бѣхъ купилъ”, состоящего из формы старославянского архаичного аориста глагола “быти”, которая употреблялась в значении имперфекта, и причастия на “-л” (в *О* присутствует форма имперфекта “бѣхъ”). Трудно сказать, какая форма стояла в оригинале. Аорист в значении имперфекта “бѣхъ” в наибольшей степени характерен для южных церковнославянских памятников, в древнерусском языке ему соответствовал стоящий в более древнем списке *О* имперфект “бѣхъ”, стяженный из формы “бѣахъ”³¹. С другой стороны, в древнерусских рукописях XII–XIII вв. отмечается вариативность употребления форм “бѣхъ/бѣахъ” в качестве глагола-связки³².

В плюсквамперфекте в списке *О* стоит и сказуемое первого предложения “бѣше сказалъ” (“бѣше” – также стяженная форма имперфекта); в рукописи *А* ему соответствует аорист в нормативной для старославянского языка форме “сказа”. Обе эти формы являются исключительно книжными³³, но опять же трудно определить, какая из них стояла в оригинале. Однообразие форм плюсквамперфекта “бѣахъ купилъ”, “бѣше сказалъ” в *О* может говорить в пользу их первоначальности. Трудно объяснить замену в списке *А* плюсквамперфекта на аорист, учитывая, что в нем имеется второй плюсквамперфект, однако еще затруднительнее было бы предполагать обратную замену писцом *О*. Если изначален именно плюсквамперфект, отметим употребление автором записи формы неаугментированного (без окончания “-тъ”) имперфекта 3 л. ед. ч., характерного для старославянской книжности³⁴. Плюсквамперфект, который встречается значительно реже других глагольных форм и знаменует собой книжную черту языка³⁵, употреблен в записи дважды, и в обоих случаях он уместен. Во второй фразе он обозначает преждепрошедшее по отношению к другому прошедшему время (“бѣхъ купилъ” и аорист “разсыпа/роздалъ”, “сказахъ”). А два плюсквамперфекта,

³⁰ Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 177–178.

³¹ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 2004. С. 269–270; Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 189–190.

³² Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995. С. 457.

³³ Успенский Б.А. История... С. 215–220.

³⁴ Вайан А. Руководство... С. 267; Успенский Б.А. История... С. 188.

³⁵ По мнению Б.А. Успенского, конструкция плюсквамперфекта, которая имеется и в рассматриваемой записи, по преимуществу характерна для старославянского языка, тогда как в русских памятниках плюсквамперфект часто выражается через сочетание перфекта глагола “быть” (без глагола-связки, т.е., по сути, причастия на “-л” от этого глагола) и причастия на “-л” (Успенский Б.А. История... С. 251). Однако, согласно другим данным, такая форма начинает встречаться в рукописях светских деловых и эпистолярно-бытовых текстов с XIII в. (Древнерусская грамматика... С. 457–458, 461). Тем самым, саму по себе конструкцию плюсквамперфекта в нашей записи еще нельзя считать нехарактерной для древнерусской книжности.

по одному в каждом предложении, связывают их в смысловом плане в ряд последовательных событий в прошлом, которым частицы “же” придают оттенок противопоставления³⁶.

В пользу того, что “раꙗсыпахъ/роздалхъ” и “сказахъ” – именно аорист, а не имперфект (в древнерусском их формы в 1 л. ед. ч. совпадали), говорит значение этих глаголов, обозначающих ряд законченных действий, последовательно сменявших друг друга в прошлом (аналогичную смысловую нагрузку несут и два плюсквамперфекта)³⁷. Аорист также характерен как для старославянского, так и древнерусского книжного языка, хотя и отсутствовал в разговорном языке Руси³⁸. Важно, что для записи на книге такие грамматические “изыски” не представляются чем-то особенным: сочетание плюсквамперфекта и аориста имеется в заметке Наслава на Мстиславовом евангелии начала XII в.: “Азъ рабъ бжїи недостойный хоудый грѣшный. съпсахъ памати дѣля цр҃ѣи нашему и лждемъ о съкончаньи еуагѣ. ꙗже башеть казалъ Мьстиславъ кѣнзъ. хоудому Наславоу...”³⁹. Одной из примет старославянского влияния в рассматриваемой записи является также сочетание причастия “пришедъ” с личным глаголом речи “сказахъ”⁴⁰. Обращает на себя внимание и правильная церковная форма имени “Георгий”, аналогом которой в светской письменности были формы наподобие “Гюрги”⁴¹. Употребление в столь небольшом тексте значительного количества “ученых” форм характеризует достаточно высокий уровень образованности автора записи, основанной на старославянской книжности и языке.

Графико-фонетические особенности записи разбирать гораздо сложнее в силу того, что у нас в распоряжении нет оригинального текста. В качестве русской черты можно отметить йотированное “а” в “мзъ/мзъ”⁴². Возможно – хотя трудно об этом говорить с уверенностью – и название “Селунь” более характерно для древнерусской письменности⁴³, тогда как для старославянской – “Солунь”⁴⁴. В остальном же в двух вариантах наблюдается чередование славянизмов и русизмов: различное отражение префикса “ogz-”: восточнославянское “роздалхъ” (O) и южнославянское “раꙗсыпахъ” (A)⁴⁵, которое, впрочем, было употребительно и в древнерусской письменности⁴⁶; характерное для древнерусского отсутствие второй палатализации в “ск” в “грѣческ-

³⁶ Древнерусская грамматика... С. 458–459.

³⁷ Там же. С. 415.

³⁸ Там же. С. 411–427; Успенский Б.А. История... С. 215–220.

³⁹ Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983. Рис. 4.

⁴⁰ Успенский Б.А. История... С. 255.

⁴¹ См. примеры: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 820.

⁴² Успенский Б.А. История... С. 195–196. Хотя подобное явление наблюдалось и в Македонии (Селищев А.М. Старославянский язык. В двух частях. Изд. 2. М., 2001. С. 112 (второй пагинации)), этот вариант можно исключить по историческим соображениям.

⁴³ Съказание, и страсть, и похвала святому мученику Бориса и Глѣба // Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. Под ред. С.И. Коткова. М., 1971. С. 57 (176. 25); Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1 Изд. 2. Стб. 26, 414, 437; Ипатьевская летопись... Стб. 18, 519.

⁴⁴ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1999. Изд. 2. С. 618–619.

⁴⁵ Селищев А.М. Старославянский язык. С. 174–175 (первой пагинации); Древнерусская грамматика... С. 166; Успенский Б.А. История... С. 192.

⁴⁶ Съказание, и страсть, и похвала... С. 62 (206. 14); Древнерусская грамматика... С. 417.

їи” (А) и нейтральное “гречьскыи” (О)⁴⁷. Слово “гречьскыи” (О) представляется несомненно более древней формой, которая еще не зафиксировала появления суффикса “-еск” после шипящего⁴⁸. Орфографические и морфологические отличия двух текстов ведут к мысли о том, что в О сохранился более древний и однообразный с лингвистической точки зрения текст, который в А, где, напомним, он ближе к оригиналу с точки зрения текстологии, подвергся определенной языковой правке.

Как итог текстологического и языкового анализа записи можно предложить ее реконструкцию: “То же ми бѣше сказаѣ попинѣ гречьскыи въ Селоуни. Изъ же бѣхъ купилъ много ливана въ Иерусалимѣ и, то слышавъ, розсыпахъ и сдѣ, пришедъ, сказахъ Георгию князю”.

С жанровой точки зрения эта запись не одинока: в древнерусской письменности нам известна и другая запись дневникового характера, также представляющая собой краткое авторское послесловие о связанных с паломничеством обстоятельствах создания содержащей ее рукописи. Речь идет о тексте, завершающем в одном из списков “Слово святого Григория богословца изобрѣтено въ тѣлцѣх о том, како пръвое погани суще языци служили идолом и иже и нынѣ мнози творять”: “Досюда бесѣда си бысть. досюдѣ могахъ написати. даже несоша ны Цѣрю гю. а мы высѣдше исъ корабля. идохомъ въ Сѣю гороу. нѣ то бѣше велико слово нѣ дотоудѣ написахъ”⁴⁹. В основе этого “Слова” лежит сочинение Григория Назианзина на праздник Благовещения, вернее, его начало, в славянском переводе⁵⁰, куда странствовавший переписчик, который, возможно, жил на рубеже XI–XII вв. и был выходцем из Киево-Печерского монастыря, вплел собственные дополнения о славянском язычестве.

Обратимся к некоторым реалиям, упомянутым в нашей записи, в частности “ливану”, или ладану, разные сорта которого были известны на Руси. Даниил, бывший в Святой Земле в начале XII столетия, называет черный темьян-игоифит, который собирался в Ликий, на юго-западном побережье Малой Азии, темьян-ладан (без уточнения), собиравшийся на Кипре, и ливан, и темьян белый, происходившие с горы Ливан в Палестине⁵¹. Темьян упоминается также в ряде других древнерусских источников⁵². А. Мусин пришел к выводу, что в эпоху зрелого средневековья используется исключительно этот термин, а интерес Даниила к темьяну объясняется его редко-

⁴⁷ Успенский Б.А. История... С. 197.

⁴⁸ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. М., 2002. С. 252.

⁴⁹ Слово св. Григория, изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали // Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000. Т. 2 (в одной книге). Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. С. 25.

⁵⁰ XIII Слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI в. Критико-палеографический труд А. Будиловича. СПб., 1875. С. 1–15.

⁵¹ Хождение игумена Даниила / Подгот. текста, пер. и коммент. Г.М. Прохорова // БЛДР. 1997. Т. 4. XII в. С. 31, 33, 99.

⁵² Лаврентьевская летопись... Стб. 211, 214 (1091 г.); Стб. 391 (1184 г.); Стб. 457 (1231 г.); Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 163, 165; Зализняк А.А. Древненогородский диалект. С. 400 (Б 90). См. также: Александр (Мусин), диакон. Археология древнерусского паломничества в Святую Землю в XII–XIII веках // БТ. 1999. Сб. 35. К 150-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847–1997). С. 97.

стью на Руси. Наш же паломник, видимо, имел при себе еще более редкий вид благовоний – ливан, происходивший только из Палестины, тогда как темьян вывозили и из других мест. И только недоумение может вызывать объяснение Л.В. Столяровой слова “ливан” как “плоды ливанского кедра”. Как известно, плоды кедра – шишки, а “ливан” – его смола.

В изучаемой приписке в списке А упоминается князь Георгий. Это крестильное имя было очень популярным в княжеской семье. А.И. Соболевский даже отказался от попыток идентификации упомянутого князя, ограничившись ничего не значащим замечанием о том, что Георгия нужно искать среди русских князей XII–XIII вв.⁵³ Однако засвидетельствованные связи с Фессалоникой из всех русских князей имел только Всеволод Юрьевич. Его поездка в этот город упоминается в статье владимирского происхождения “А се князи русьстии”, предшествующей Комиссионному списку Новгородской первой летописи: “На третий год⁵⁴ приде изъ заморья из Солуни братъ его⁵⁵ Всеволодъ, нареченыи въ крещении Дмитрии Юрьевичъ, и съде на великое къняжение, и мсти обиду брата своего Андрѣву...”⁵⁶. Когда Андрей был убит, Всеволод был на Руси⁵⁷. В 1174 г. и летом следующего он, согласно свидетельствам Радзивиловской и Ипатьевской летописей, действовал заодно с братом Михалком⁵⁸. Михалко умер 20 июня 1176 г., после чего Всеволод, вернувшись из Солуни на третий год после гибели Андрея, т.е. после 29 июня 1176 г., стал князем во Владимире⁵⁹. Таким образом, пребывание Всеволода в Солуни можно относить к осени 1175 – весне 1176 г.. Летописец специально указывает на крестильное имя, дабы стало ясно, что ездил Всеволод, скорее всего, в судьбоносный для себя момент поклониться мощам своего небесного покровителя.

Всеволод и позже, став князем, поддерживал связь с Фессалоникой, откуда 10 января 1198 г. во Владимир были перенесены “доска гробная” – видимо, икона в рост с саркофага св. Димитрия⁶⁰ – и частица его окровавленной сорочки⁶¹. Деятельность этого князя зеркально отражает действия братьев Асенеи, Ивана и Петра, только-только провозгласивших возрожденное Болгарское царство. В его новой столице Тырнове в 1186 г., после взятия Фессалоники в августе 1185 г. норманнами короля Сицилии Вильгельма II, появляются чудотворная икона св. Димитрия, якобы покинувшая греческий город после норманнского погрома, и, возможно, частица его мощей – сорочки; впрочем, эта икона почти сразу была отобрана у болгар Исааком II Ангелом⁶².

⁵³ Соболевский А.И. Неизвестный... С. 6.

⁵⁴ После гибели Андрея Юрьевича 29 июня 1174 г. См.: Лаврентьевская летопись. Стб. 369; Ипатьевская летопись. Стб. 586.

⁵⁵ Михалка Юрьевича.

⁵⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 468.

⁵⁷ Лаврентьевская летопись. Стб. 371–372; Ипатьевская летопись. Стб. 595.

⁵⁸ Радзивиловская летопись. СПб.; М., 1994. Л. 219–221 об.; Ипатьевская летопись. Стб. 595–596, 600–602.

⁵⁹ Лаврентьевская летопись. Стб. 379–380.

⁶⁰ Зверев А.С. Константинопольские и греческие реликвии на Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000. С. 119–120. № 28.

⁶¹ Лаврентьевская летопись. Стб. 414, 437.

⁶² Божилев И. Фамилията на Асеневици (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1994. С. 28; Польшанский Д.И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000. С. 131–132.

Отцом Всеволода, чья связь с Фессалоникой столь очевидна, был Юрий Владимирович (уп. 1108 – 15 мая 1157 г.), сыном – тоже Юрий (29 ноября 1187 или 1188 г. – 4 марта 1238 г.)⁶³. Неизвестный по имени русский паломник, посетивший Солунь, мог говорить об одном из них. А поскольку до Всеволода никаких известий о связях русских князей с Фессалоникой нет, Георгий записи – скорее всего, Юрий Всеволодович, великий князь владимирский с февраля 1218 г. Свидетельство нашей записи позволяет предполагать продолжение связей с Фессалоникой, возникших при его отце Всеволоде Юрьевиче.

Если эта догадка верна, можно представить, в какой обстановке русский паломник мог оказаться в Фессалонике. В декабре 1224 г. ее освободил от латинского владычества эпирский правитель Феодор Ангел Комнин, самый сильный греческий соперник латинян в то время. В 1227 г. он был коронован как император ромеев, а его государство стало одним из претендентов на роль восстановителя империи. Но сокрушительное поражение, нанесенное Феодору (сам он был взят в плен) болгарским царем Иваном II Асенем в битве при Клокотнице 9 марта 1230 г., положило конец имперским притязаниям эпирского деспота. Фессалоника попала под влияние Тырнова, ее правителем стал зять Асеня Мануил Ангел, а на монетах и печатях болгарского царя появился образ св. Димитрия, венчающего или благословляющего Ивана Асеня⁶⁴.

В то же время, в сентябре 1228 г., император Священной Римской империи Фридрих II возглавил Шестой крестовый поход, и 18 февраля 1229 г. египетский султан аль-Камиль уступил ему по мирному договору, заключенному сроком на 10 лет, Иерусалим, которым мусульмане обладали с 1187 г., за исключением квартала, где располагались две главные мечети, а также Вифлеем, Назарет и все селения, расположенные по дорогам, ведущим к Иерусалиму⁶⁵. Надо отметить, что до русских земель доходили сведения о крестовых походах в Палестину в конце XII – начале XIII столетия. Киевская летопись сочувственно и подробно, хоть и не всегда точно, рассказывает о взятии Иерусалима мусульманами в 1187 (6695) г. (возможно, основываясь на галицком источнике), а затем о гибели немецких “цесарей” (Фридриха Барбароссы и его сына Конрада) в Третьем крестовом походе в 1190 (6698) г.⁶⁶ В Типографской летописи в статье 1217 (6725) г. (передающей ростовский источник?) говорится о закончившемся неудачей Пятом крестовом походе 1217–1221 гг., в котором участвовали венгры и “немцы”⁶⁷. По наблюдениям А.В. Назаренко, паломничества русских в Святую Землю предпринимались по преимуществу тогда, когда ею владели крестоносцы⁶⁸. Может быть, нужно датировать путешествие нашего паломника временем между 1229 и 1238 гг., возвращением крестоносцев в Иерусалим и гибелью князя

⁶³ *Войтович Л.В.* Генеалогія династії Рюриковичів. Бібліографічний довідник. Київ, 1990. С. 105. № 16; С. 150. № 14, С. 153. № 34; С. 148.

⁶⁴ *Божилев И.* Фамилията на Асеневци... С. 80; *Полывянный Д.И.* Культурное своеобразие... С. 145.

⁶⁵ *Заборов М.А.* Крестоносцы на Востоке. М., 1980. С. 274.

⁶⁶ Ипатьевская летопись. Стб. 655–656, 667–668.

⁶⁷ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 87.

⁶⁸ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 631.

Юрия Всеволодовича, учитывая к тому же, что десятилетний мир с мусульманами кончился в 1239 г., а в 1244 г. султан ас-Салих Эйюб Наджм ад-Дин захватил Иерусалим, учинив резню христианского населения⁶⁹.

Любопытно, что маршрут возвращения русского паломника из Иерусалима совпадает с тем, который избрал для себя архиепископ сербский Савва, когда после путешествия к святыням Востока, как раз после взятия Иерусалима, через Nikeю и Афон он заехал в Фессалонику зимой 1229/1230 г., еще до поражения Феодора; правда, оттуда Савве было удобно возвращаться в Сербию⁷⁰.

Уместно вспомнить, что в Фессалонике существовала почва для интеллектуального общения славян и византийцев. Евстафий Солунский упоминает участие монахов ἐκ τῆς τῶν Σέρβων в обороне Фессалоники в 1185 г.⁷¹ Савва Сербский во время своего посещения Солуни в 1219 г., еще при латинянах, проживал в монастыре Филокале, где его считали за ктитора и где он работал над юридическим сводом – Кормчей, которая была необходима для сербской церкви⁷².

В любом случае, не связанное наверняка с политическими мотивами наше паломничество находится в контексте событий и путей того времени, и русский странник, видимо, был о них неплохо осведомлен, когда решался на столь длительное путешествие в то беспокойное для Балкан и Палестины время.

---

⁶⁹ Заборов М.А. Крестоносцы... С. 276.

⁷⁰ Оболенский Д. Византийское Содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 520.

⁷¹ *Eustazio di Tessalonica*. La espugnazione di Tessalonica / Ed. S. Kyriakidis (Testi e Monumenti. Istituto Siciliano di Studi Bizantini e Neoellenici. Testi. T. 5). Palermo, 1961. P. 94.25.

⁷² Даничић Ђ. Живот светога Симеуна и светога Саве, написао Доментијан. Београд, 1865. С. 226–227; Даничић Ђ. Живот светога Саве, написао Теодосије Хиландарац. Београд, 1860. С. 77, 135–136. О пребывании Саввы в Фессалонике и о более поздних связях этого города с южнославянскими землями см. также: Снегаров И. Солун в българската духовна култура. Исторически очерки и документи. София, 1937. С. 7–8; Дуйчев И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // ТОДРЛ. 1963. Т. 19. Русская литература XI–XVII вв. среди славянских литератур. С. 119–121; Оболенский Д. Византийское Содружество наций... С. 513–514. О значении Кормчей Сербской редакции см.: Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 117–155.